

Пэй Цзинсин оказался прав. Его появление на Призрачном рынке — живого смертного посреди сонмища нечисти — не осталось незамеченным. Вскоре вокруг него закружили тени. Самые дерзкие твари обнаглели настолько, что подошли вплотную, с голодным любопытством разглядывая незваного гостя.

Пэй Цзинсин уставился перед собой бессмысленным, остекленевшим взором и едва слышно пробормотал:

— Вы... не видели мою жену?

— Жену? — подплыл к нему один из призраков, качаясь в воздухе прямо перед его лицом. — И как же зовут твою суженую?

— Её зовут Ин-эр, — вскинулся Пэй Цзинсин с отчаянной надеждой в голосе. — Вы встречали её? Пожалуйста, скажите!

— Ин-эр? Кто это ещё?

— Впервые слышу.

— Да он просто полоумный.

Пэй Цзинсин, точно не замечая их насмешек, торопливо заговорил:

— Ин-эр — моя супруга! Мы обвенчались втайне всего несколько месяцев назад и жили душа в душу... Но месяц назад я заметил странное. Каждые две недели, ровно в полночь, она уходила сюда. А когда возвращалась... платье на ней оставалось прежним, а вот лицо становилось совсем чужим! Теперь она пропала, её нет уже много дней. Умоляю, вы должны были её видеть!

Он описывал приметы с таким лихорадочным упорством, что среди толпы нечисти быстро пронёсся шёпот. Кое-кто смекнул, о ком речь:

— Постойте... уж не о Хуапи ли он толкует?

Какая-то изголодавшаяся по мужской ласке покойница завистливо вздохнула и принялась в сердцах заламывать руки:

— Глядите, какой красавчик! И надо же было такому статному молодцу достаться этой твари Хуапи... Какая досада, какая несправедливость! Знай я раньше, сама бы потащила его под венец!

Другой призрак, видать, упокоившийся совсем недавно и ещё не позабывший людские чувства, сочувственно покачал полупрозрачной головой:

— Надо же, какая преданность. В наши дни встретить столь любящее сердце среди смертных — истинное чудо. Поневоле зауважаешь.

Пэй Цзинсин искусно разыгрывал крайнее отчаяние:

— Вы знаете, где она? Где мне искать её?

Существа переглянулись, но лишь безучастно покачали головами.

Пэй Цзинсин дрожащей рукой утёр набежавшую слезу:

— Знаю... знаю, что она не человек! Но мне всё равно, бес она или призрак — она моя жена! Помогите, заклинаю вас! Кто на Призрачном рынке может знать, куда она делась?

Его безутешный вид тронул сердца неприкаянных душ, истосковавшихся по живому теплу. Один из призраков долго мялся, оглядываясь по сторонам, но в конце концов не выдержал и негромко произнёс:

— Мы-то простые души, откуда нам знать... Но вот свирепый Якша точно в курсе.

— Якша? — Пэй Цзинсин так и просиял, подавшись вперёд. — Где мне его найти?

— Он обходит дозором торговые ряды, — призрак указал полуистлевшим пальцем вглубь тумана. — Из верных слуг Призрачного императора, лютый боец. Сам он обожает жрать сородичей, оттого его сюда стражем и приставили. Ему без разницы, живой ты или мёртвый — нарушишь указ, мигом проглотит целиком и не поморщится. Так что ступай... но гляди в оба, парень.

Пэй Цзинсин низко поклонился, выражая безмерную признательность:

— Премного благодарен за доброту!

Толпа призраков безмолвно расступилась, пропуская его. Лишь когда фигура уличного посла скрылась в клубах серого испарения, они вновь сошлись поближе, качая головами и сокрушаясь о судьбе несчастного влюблённого.

Завидя, как Пэй Цзинсин напрямик направляется в лапы к чудовищу, прятаясь в тени даоси Су похолодел. Он уже потянулся к пазухе за изгоняющим бесов талисманом, готовый

броситься на выручку, но вовремя заметил движение: Пэй Цзинсин завел руку за спину и едва приметно покачал ладонью в его сторону.

"Что этот безумец задумал?" — недоумевал Су Янь.

Выдавать себя раньше времени не хотелось — так можно было погубить весь замысел Пэй Цзинсина. Су Яню оставалось лишь тенью скользнуть следом, постепенно сближаясь с Якшей. Он укрылся за полуразрушенным прилавком в паре шагов от чудища, решив для себя: если дело примет дурной оборот, он плевать хотел на эту Хуапи. Первым делом нужно вытащить Пэй Цзинсина живым.

Якша почуял живую кровь за версту. Его исполинская туша, ростом в два человеческих объёма, со свистом рассекла воздух и выросла прямо перед уличным посланцем. Сверкнув багровыми глазами, тварь оглядела хрупкого гостя свысока и пробасила:

— Какая нежная плоть! Надо же, у ничтожного смертного хватило наглости явиться на наш Призрачный рынок. Что ж, тебе крупно повезло встретить дедушку Якшу. Сглотну тебя в один присест, даже пикнуть не успеешь — всяко лучше, чем если тебя здешняя шваль замучает до смерти!

Пэй Цзинсин картинно отшатнулся, изображая неопишемый ужас, и залепетал прерывающимся от страха голосом:

— О грозный Якша! Я... я пришёл лишь за своей супругой! Здешние неприкаянные духи шепнули, что моя Ин-эр — это демон Хуапи... И что тебе ведомо, где её прибежище!

— Хуапи? — Якша прищурил один глаз, бесцеремонно оглядывая Пэй Цзинсина с головы до ног. — А ты и впрямь смазлив, почище любого из этих задохликов-книжников. Неудивительно, что эта разборчивая тварь на тебя позарилась.

В делах учёных мужей Пэй Цзинсин смыслил мало, однако перед его мысленным взором мгновенно возник утончённый образ младшего брата. Скопировав изысканный поклон Пэй Хуайюя, он почтительно сложил ладони:

— Молю, поведай, где она сейчас. Я в долгу не останусь и щедро отблагодарю тебя.

Тварь лишь глухо рыкнула в ответ на его обещания. Людские богатства для подземного духа стоили не больше придорожной пыли.

Однако слова заставили Якшу призадуматься. На Призрачном рынке всю судачили, будто местное отребье спит и видит, как бы прибрать к рукам легендарное Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу. Должно быть, именно из-за этой суматохи Хуапи спешно бросила своего нового ненаглядного, даже не успев выжрать его горячее, трепещущее сердце.

"А что, если преподнести этого красавчика беглой твари на блюдечке? — зашевелились мысли в уродливой башке Якши. — Уж тогда-то Хуапи точно придётся раскошелиться на знатный дар в знак признательности".

В последнее время порядок на Призрачном рынке навели строгий, нарушителей поубавилось, и Якша уже несколько лет как не лакомился свежей мертвечиной. Пора было исправлять это упущение.

Быстро прикинув выгоду, монстр оскалил клыки:

— Ладно, протяни-ка руку.

Пэй Цзинсин недоумённо моргнул, но послушно протянул ладонь.

Якша полоснул острым, как бритва, когтем по его коже, оставляя рваный след, сочащийся тёмной кровью, и прошипел:

— Ступай на запад, в Квартал Божественного Духа. Отыщешь там пост городской стражи, от него отсчитай ровно тридцать шагов на восток. Там растёт старая павловния. Прижми ладонь с этим знаком к её стволу — твоя ненаглядная сама к тебе явится.

Пэй Цзинсин даже не поморщился от боли, зажимая сочащуюся рану.

— Благодарствую.

Едва они скрылись из виду бдительного стража, Су Янь вынырнул из тени развесистого дерева.

— Ну как? — нетерпеливо спросил он.

Пэй Цзинсин коротко усмехнулся:

— Нашлась птичка. Держем путь в Квартал Божественного Духа.

— Постой, — Су Янь резко перехватил его запястье. Прежде чем уличный посол успел отстраниться, даоси силой вытянул его раненую руку на свет. Взглянув на сочащуюся ладонь, Су Янь мгновенно переменялся в лице. — Это ещё что такое?!

— Клеймо Якши, — спокойно ответил Пэй Цзинсин, заметив его тревогу. — Ерунда, обычная царапина. Зато теперь мы знаем: у поста городской стражи в Квартале Божественного Духа нужно пройти тридцать шагов на восток и приложить руку к дереву. Тогда Хуапи покажется.

— Он тебя облапошил, — помрачнел Су Янь. Прокусив палец, он выдавил пару капель собственной крови прямо на багровую отметину. — Это не просто знак. Якша пометил тебя, словно дичь, чтобы Хуапи сразу поняла, кто пригнал ей столь лакомый кусок, и не забыла отплатить за услугу.

Кровь даоса, смешавшись со слюной и ядом твари, зашипела на коже. Пурпурный узор потемнел, и из раны толчками начала выходить густая чёрная жижа. Как только скверна исторглась наружу, плоть затянулась прямо на глазах, оставив лишь чистую розовую кожу.

— Гнилостный яд Якши, — пояснил Су Янь, отпуская его руку. — Не найди мы Хуапи вовремя, ты бы окочурился по дороге. А по этому следу тварь без труда отыскала бы твой труп и сожрала его втихаря.

Пэй Цзинсин покачал головой, иронично усмехнувшись:

— Надо же. А я-то радовался, что так ловко обвёл вокруг пальца здешнее отродье. В итоге сам попался на удочку.

— Среди нечисти дураков не держат, — проворчал даоси. — Тебе попался недоумок вроде Девятого молодого господина Шэ, вот ты и решил, что вся нечисть лишена мозгов.

Уличный посол лишь весело рассмеялся, ничуть не обидевшись:

— Что ж, я сыграл на их спеси и обманул мертвецов, а хитрый Якша отыгрался на моей доверчивости. Будем считать, мы квиты.

Заметив, как упрямо поджаты губы даоса, Пэй Цзинсин понял, что тот корит себя за его ранение. Чтобы развеять мрачные мысли спутника, он сменил тему:

— Ну так что? Якша указал на Квартал Божественного Духа. Идём за нашей беглянкой?

Су Янь долго и пристально смотрел на него, после чего сквозь зубы процедил:

— Идём.

Оставив призрачное сборище позади, они поспешили на окраину города.

Квартал Божественного Духа

Тем временем в глубине квартала демон-хуапи с притворной щедростью разворачивала великолепную ткань перед сияющими глазами чужеземки.

— Ну как? Налюбовалась? — ехидно ухмыльнулась Хуапи, глядя, как гостья из далёких краёв дрожит всем телом от благоговения, прижимая к груди бесценную ношу.

— И это... действительно то самое Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу? — прошептала хуская дева, бережно расправляя шёлк тонкими пальцами в надежде отыскать скрытую разгадку.

Радужное настроение демона мигом испарилось, лицо исказилось гневом:

— За кого ты меня принимаешь? Стану я тратить время на дешёвую подделку!

Чужеземка и сама понимала, что перед ней оригинал. Молва не лгала: на спине наряда золотыми нитями пламенел величественный феникс, а по подолу вились изображения сотни пернатых — и ни один узор не повторялся. Такую тонкую, невероятно кропотливую работу, на которую уходили годы труда целой артели лучших мастериц, подделать было невозможно.

— Всё глаза проглядела? — нетерпеливо бросила Хуапи, прерывая её созерцание. — Время дорого. Пора приступать к делу.

Пальцы хуской девы застыли на шёлке. Заметив её нерешительность, демон недовольно сузила глаза:

— Что, неужто попятилась назад?

— Нет-нет, что ты... — торопливо залепетала та, отступая на шаг. — Я просто... мне немного не по себе.

— Немного? — хищно оскалилась Хуапи, упиваясь чужим страхом. — Скажи прямо: ты в ужасе. Хочешь знать, как умело я сниму с тебя эту прекрасную шкурку? Сперва я сделаю аккуратный надрез прямо на темени, а затем залью туда жидкую ртуть. Тяжёлый металл сам отделит плоть от кожи, не оставив ни единого изъяна.

Лицо девы мгновенно лишилось последних красок. От ледяных слов демона её затрясло:

— Прошу... неужели нельзя отдать что-то другое? Тебе ведь нравятся наряды? Я куплю тебе десять, нет, двадцать лучших платьев в столице! Только не трогай меня!

Хуапи презрительно прищурилась:

— За кого ты меня принимаешь? Думаешь, меня прельстят твои жалкие тряпки?

— Нет, постой! — взмолилась чужеземка. — Когда я доберусь до священных земель нашего народа... я отдам тебе всё золото, что укрыл там наследный принц! Всё до последнего слитка!

— Клад? — в жёлтых глазах чудовища промелькнула искра любопытства. — И много там богатств? Что за сокровища?

— Я... я не знаю подробностей... — в смятении проговорила дева.

— Ну уж нет, такой уговор мне не по душе, — отрезала Хуапи. — Либо твоя нежная кожа достанется мне прямо сейчас, либо убирайся отсюда несолоно хлебавши. Одежания тебе не видать.

Впервые в жизни чужеземка ощутила, как рушится её вера.

С самого детства жрецы твердили ей одно: всякий истинный сын её племени обязан сложить голову на священной земле предков. Нарушишь этот завет — и разгневанные боги лишат твою душу вечного покоя, обрекая её на муки среди безжалостных молний, бурь и ядовитых гадов в подземной бездне.

Но существует ли обитель богов на самом деле? И стоит ли верить сказкам мертвецов?

Её родители и младший брат погибли ради великой цели, унеся свои думы в могилу. Но сейчас, заглянув в бездну собственной кончины, дева поняла: она не желает отдавать цветущую молодость ради призрачных тайн былого величия. Жизнь была слишком дорога.

Раз зародившись, эта спасительная мысль захлестнула её разум, разом выметая прочь прежнюю преданность долгу и глупые клятвы, данные демону.

Сделав глубокий вдох, чужеземка склонилась над разложенным шёлком, будто желая получше рассмотреть стежки. Выждав мгновение, когда Хуапи отвлечётся, она резко выпрямилась и метнула в лицо чудовищу два невзрачных угольно-чёрных шара.

Демон среагировала мгновенно. С молниеносной быстротой она отпрянула назад. Её коготь вспорол темя оболочки Третьей госпожи Шэ, и из обмякшей плоти выскользнуло истинное, жуткое естество монстра. На лету подхватив опустевшую шкуру бывшей хозяйки поместья, Хуапи ловким броском закинула её на потолочную балку.

Снаряды столкнулись с препятствием и с глухим хлопком взорвались, затянув комнату непроглядной, едкой копотью. Воспользовавшись завесой, хуская дева бросилась к выходу.

— Вздумала бежать?! Мерзавка! — взвыла Хуапи.

Ярость исказила черты твари. Она широко разинула пасть и одним мощным вдохом втянула в себя всю ядовитую гарь, после чего ринулась в погоню.

Прижимая драгоценное одеяние к груди, дева выбежала за порог, но тут же застыла в растерянности. Вместо знакомого тракта её встретила глухая стена вековых деревьев, черневшая исполинскими стволами в призрачном свете.

Хуапи настигла её в мгновение ока. Не тратя слов, демон выкинула вперёд длинную, костистую руку, напоминавшую плеть. Когтистые пальцы намертво захлестнули талию беглянки, и одним яростным рывком монстр швырнул чужеземку обратно в хижину.

Дева с силой рухнула на деревянную скамью. Под её весом сработал скрытый рычаг. С потолка змеями соскользнули четыре прочных вьюнка, туго свитых из колючих лиан. Прежде чем она успела подняться, путы оплели её запястья и щиколотки. Каждый рывок лишь заставлял лозу сжиматься сильнее, пока несчастная не оказалась беспомощно подвешена посреди комнаты.

Мыски её сапог едва касались досок пола. Лишившись опоры, чужеземка затихла, обречённо наблюдая, как на пороге вырастает перекошенный от злобы силуэт демона.

— Несите сюда нож и ртуть! — рявкнула Хуапи вглубь коридора, поднимая с пола испачканный в пыли наряд и небрежно швыряя его в угол.

Скрипнула потайная дверь, и в комнату, волоча ноги, вошла жуткая тварь. Её тело представляло собой сплошное месиво из сочащегося мяса и жил, в котором едва угадывались человеческие очертания. Держа в изувеченных ладонях кривой тесак и тяжёлый сосуд со сверкающим металлом, этот живой мертвец покорно приблизился и опустил инструменты на край стола.

— А эта плоть покрепче прежних кукол оказалась, — цыкнула зубом Хуапи, беря в руки тесак и брезгливо стирая чужую засохшую кровь с костяной рукояти. — Верно говорят, из демонов получают отличные слуги. Надо будет при случае ободрать ещё парочку лесных бесов — людские тела больно быстро гниют.

— Ты... что ты с ней сделала? — от ужаса у девы перехватило дыхание.

Хуапи легонько похлопала её холодной сталью по щеке, издевательски ухмыляясь:

— Раз уж тебе всё равно суждено сдохнуть, так и быть, потешу твоё любопытство. Эта гора мяса — бывшая хозяйка того лица, что я сейчас ношу. Ну-ну, чего кривишься? Сниму с тебя шкурку — станешь точно такой же. Дело житейское, незачем брезговать.

— Чудовище... — прошептала пленница, тщетно пытаясь отвернуться от занесённого клинка.

— А то! — залилась безумным хохотом Хуапи. — Какая есть, другой не стану!

Вглядываясь в приближающееся лезвие, дева закричала в безумной надежде:

— Стой! Я согласна! Слышишь? Забирай мою кожу! Только отдай Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу моим соплеменникам! Я умоляю тебя!

— Слишком поздно, дорогуша, — осклабилась тварь, и в её глазах блеснул убийственный огонёк. — Сдержи ты слово в самом начале, я бы, так и быть, отпустила твоего гонца с узлом. Но ты первая решила схитрить. Так что теперь не обессудь.

У демона созрел новый, куда более заманчивый план.

Сперва Третья госпожа Шэ, теперь — золотоволосая заморская красавица... Все они шли на этот наряд, точно мотыльки на пламя свечи. Значит, это Одевание Сотни птиц, поклоняющихся фениксу сослужит ей добрую службу и дальше. С его помощью можно заманить в ловушку ещё немало столичных прелестниц и заполнить их чудесные лица.

Влив в горло несчастной дурманящее зелье, лишаящее тело всякой чувствительности, Хуапи дождалась, пока её взгляд остекленеет. Затем она занесла тесак над макушкой пленницы и сделала глубокий, выверенный надрез. Тяжёлая, тускло поблёскивающая ртуть медленной струйкой потекла под кожу.

Дева не чувствовала боли, но разум её оставался пугающе ясным. Окаменев от ужаса, она видела, как её собственная плоть увязает в ядовитом серебре, а кожа медленно, пласт за пластом, сползает с плеч. А над ухом всё звучал и звучал издевательский, торжествующий смех демона.

"Неужели это кара? — билась в её гаснущем сознании последняя отчаянная мысль. — Наказание за то, что смалодушничала, испугалась смерти и предала заветы предков?"

Прежде чем тьма окончательно поглотила её взор, дева из последних сил приподняла веки. На потолочной балке, слегка покачиваясь на сквозняке, висела пустая оболочка Третьей госпожи Шэ. Её обвисшие, сморщенные губы застыли в немой, глумливой усмешке.